

ПРОБУЯ НА ВКУС БАБОЧКУ БОГОНГ¹

Ригби Кейт (а)

(а) Университет Монаш (Мельбурн), Австралия / Научно-исследовательский центр эколого-гуманитарных наук, Университет Бат Спа, Corsham, Chippenham, SN13 0BZ England UK.
E-mail: k.rigby[at]bathspa.ac.uk

Аннотация

Эта статья была заказана Деборой Берд Роуз и Томом Ван Доореном для специального выпуска журнала «Australian Humanities Review» 2011 г., озаглавленного «Нелюбимые другие: смерть презираемых во время вымираний». Это был знаковый номер в формирующейся междисциплинарной области «многовидовых исследований», в основании которых особую роль сыграли Роуз и Ван Доорен. Привлекая экологическую этику к диалогу с историей, этнографией, природоохранной биологией, а иногда также литературой и искусством, многовидовые исследования занимаются разрушением границы между человеком и другими видами в интересах коллективного экологического процветания. «Нелюбимые другие» должны были раскрыть истории связи между видами, особенно учитывая те, которые обычно игнорируются или презираются, и сделать это таким образом, чтобы показать личную вовлеченность исследователя в это повествование. Мое эссе фокусируется на виде, который я в течение моего детства в Канберре воспринимала как весьма «нелюбимый другой»: ночная бабочка богонг (*Agrotis infusa*), мигрирующее насекомое, численность которого в настоящее время резко сократилась. После краткого обзора научной литературы по этому насекомому я обсуждаю исторические и антропологические источники, которые подчеркивают ее решающее значение в качестве пищи для коренных народов района Канберры. Случай с мотыльком богонг показывает, как по мере продвижения колониальной границы хрупкие межвидовые отношения, поддерживавшие культуру и экологию этого континента, разрушались. Статья завершается предложением, одновременно этическим и кулинарным, о восстановлении состояния бабочки, что также учитывает наследие коренных народов.

Ключевые слова

Экологическая этика; вымирание видов; культуры питания; аборигенная Австралия; богонгская бабочка; *Agrotis infusa*; Дебора Берд Роуз; колонизация; постколониализм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Оригинальный вариант статьи был напечатан в The Australian Humanities Review, 2011, № 50, подготовленном Деборой Роуз и Томом ван Доорен. Редакция Журнала Фронтальных Исследований благодарит автора за предоставленную возможность перевода ее статьи.

GETTING A TASTE FOR THE BOGONG MOTH

Kate Rigby (a)

(a) Monash University (Melbourne), Australia / Research Centre for Environmental Humanities, Bath Spa University, Corsham Court Campus Corsham, Chippenham, SN13 0BZ England UK.
E-mail: k.rigby[at]bathspa.ac.uk

Abstract

This essay was commissioned by Deborah Bird Rose and Thom van Dooren for a 2011 special issue of the journal *Australian Humanities Review*, entitled *Unloved Others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions*. This was a landmark volume in the emerging interdisciplinary field of ‘multispecies studies’, which Rose and van Dooren helped to found. Bringing ecological ethics into conversation with history, ethnography, conservation biology, and sometimes also literature and the arts, multispecies studies is concerned with decolonising the frontier between human and other species in the interests of collective ecological flourishing. The brief for *Unloved Others* was to uncover stories of interspecies entanglement entailing species that are commonly ignored or reviled, and to do so in such a way that makes explicit the researcher’s own involvement in this narrative. My essay focusses on a species that I knew as a very ‘unloved other’ in the course my childhood in Canberra: the bogong moth (*Agrotis infusa*), a migratory insect, currently in steep decline. Following a brief survey of the scientific literature on the moth, I discuss historical and anthropological sources that highlight its crucial significance as food for the Aboriginal peoples of the Canberra region. The case of the bogong moth reveals how, as the colonial frontier advanced, the delicate multispecies relations that sustained the cultures and ecologies of this continent were ruptured. The essay concludes with a proposal, at once ethical and culinary, for restoring the fortunes of the moth that also honours Indigenous heritage.

Keywords

Ecological ethics; species extinction; food cultures; Aboriginal Australia; Bogong moth; *Agrotis infusa*; Deborah Bird Rose; colonisation; postcolonialism

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Однажды много лет назад, весенней ночью, когда экзаменационное напряжение в студенческой среде австралийских университетов доходит до предела, мой друг разбил окно в своей комнате в общежитии колледжа. Час был поздним, нервы на грани, и есть вероятность, что он мог быть не совсем трезв. Но его большой ошибкой было то, что он ушел, оставив окно открытым. По возвращении он обнаружил, что его комната полна ночных бабочек¹, и именно в ходе своих неуёмных попыток изгнать или уничтожить злобных нарушителей с помощью надежного учебника, окно было окончательно разбито, что и обеспечило их беспрепятственное проникновение.

Сейчас я не могу точно сказать, что это были за бабочки, но мой несчастный друг заявил, что это были богонги. Услышав это, я ему еще больше посочувствовала. Как и он, я выросла в Канберре и научилась опасаться ежегодных вторжений ночных бабочек богонг. Наряду с многолетней засухой, разрушавшей ухоженные сады наших родителей, богонги занимали высокое место в иерархии наименее любимых элементов местной окружающей среды в сознании многих детей моего поколения из Канберры, родители которых переехали в «столицу буша» во время бурного роста в послевоенное десятилетие. Не обладая опасной харизмой других нежелательных австралийских эндемиков, таких как красные пауки или пауки-магаломорфы, а также тигровые змеи, эти крупные, серо-коричневые насекомые были воплощением отвратительной чужеродности. Их упорный стук в незашторенные окна и скрытные вторжения в тщательно закрытые жилые помещения вызывали врожденный страх и чувство отвращения.

¹ Так как статья имеет отношение к гуманитарным наукам, а не является научной статьей по энтомологии, мы позволили себе здесь некорректную типологизацию этого насекомого, как «ночной бабочки». В англоязычной традиции их принято называть «moth», т.е. «моль». Однако, в нашем восприятии (обывателей, чьи знания не отягощены знаниями по биологии), моль – это, главным образом, «платяная моль» (*Tineola bisselliella*), пожирающая наши одежды. Вместе с тем моли относятся к семейству *Tineidae* (молевые), а богонги к семейству *Noctuidae* или «совки» (ночницы), т.е. ночные бабочки. Нередко в простонародье их также называют мотыльками. Вместе с тем, нам приходится учитывать тот факт, что автор пишет о насекомом, к которому относятся как к досадному недоразумению, которое человек может не задумываясь раздавить, так как воспринимает его в негативном контексте. Никому же не придет в голову спасать платяную моль, да и только маленький ребенок позволит себе восторгаться бабочкой-капустницей. Поэтому в разных местах мы обозначаем это насекомое то как бабочка, то как моль, то как совка, стараясь наиболее полно передать контекст статьи, ведь моль у нас вызывает презрение или другую негативную реакцию, ночная бабочка – более нейтральное определение, а совка интригует. Однако, правильнее их было бы называть богонгской совкой (прим. переводчика).

Поразмыслив над тем, что бурная реакция моего друга из колледжа, орудовавшего книгой, вполне могла быть наследием едва сохранившейся травмы от детских воспоминаний о бабочке, полученной им во время Великого нашествия 1969 г., когда мы оба были впечатлительными учащимися начальной школы. В тот раз, как я недавно выяснила, столица страны стала жертвой настолько сильного нашествия бабочек, что автоматические лифты и шахты кондиционирования воздуха в некоторых высотных административных зданиях были забиты залетевшими туда бабочками, а в некоторых частях города даже произошло полное отключение электроэнергии (Flood, 1980, p. 74). С тех пор не было зарегистрировано столь значительной миграции бабочек, и в последние годы их численность, по-видимому, заметно сократилась. Это может быть просто вопрос естественной циклической изменчивости, но, как мы увидим далее, будущее богонга далеко от гарантированного. Интересно, есть ли шанс, что те, кто находит это существо настолько непривлекательным, примут его близко к сердцу, чтобы его судьба стала предметом заботы со стороны общества?

Время от времени богонги попадают в новости: не только в университетские или местные новости, но и в национальные и даже международные. Совсем недавно они попали в заголовки газет по всему миру, когда несколько человек стали жертвами жары, которая даже остановила игру во время женского финала Открытого чемпионата Австралии по теннису в 2009 года в Мельбурне. Когда столбик термометра поднялся до 43 градусов Цельсия, заставляя игроков «истекать от пота и судорожно ловить ртом воздух», а зрителей отправил «наблюдать за матчами по телевизору в прохладе баров и уютных мест в Мельбурн Парке», «суровые условия оказались слишком сложными для роев богонгов, трепещущих вокруг яркого света стадиона и дюжинами падающих на главную площадку» (Linden, 2009). Но и за пределами стадиона, в течение беспрецедентных трех дней, во время которых температура достигла своего максимума в 43°, летучие лисы и опоссумы также падали замертво в парках и садах, а морги Мельбурна были переполнены человеческими жертвами. Эти смерти теперь вспоминаются как часть зловещего предвестника еще более разрушительного пожара, охватившего большую часть штата в конце следующей недели: катастрофы, которая, несомненно, отчасти обязана своим

происхождением антропогенным изменениям климата, которые могут также предвещать нежелательные последствия и для богонгов.

Это был далеко не первый случай, когда богонги упоминались в репортажах о международном спортивных событиях в Австралии, наиболее известным из них был случай, когда бабочка, как сообщается, уселась на грудь Ивонн Кенни, когда та пела финальный гимн Сиднейской Олимпиады 2000 г.. Несмотря на то, что видовая принадлежность этой особи (Herbison-Evans & Crossley, 2011) была поставлена фактическая под сомнение, представляется, что не только стадион, но и все туалеты были завалены богонгами, что «нервировало» многих зарубежных гостей. В то время как пресс-секретарь мероприятия признала, что их убийство является возможным «вариантом» борьбы с ними, один спортивный репортер Би-би-си иронизировал, что их следует тщательно отбирать и что они могут быть интересными в качестве «ресторанного меню», поскольку богонги считались «кулинарным изыском, обладающим ореховым вкусом, чем-то средним между грецким орехом и пеканом» (Athletes given swarm reception, 2000).

Историей, которая действительно привлекла наше внимание к этой досадной, хотя и потенциально приятной на вкус, австралийке, стала Великая Канберрская катастрофа курравонгов¹ в октябре 2003 года. Это событие почти наверняка бы не попало в международные новости, если бы факт, что федеральную столицу как раз собирался посетить президент США, и все усилия были направлены на то, чтобы придать этому визиту более комфортный характер. Возможно, если бы он проживал в Канберре, как это принято у премьер-министров Австралии, лояльный президенту «шериф» Джон Говард мог бы попытаться отговорить своего американского товарища не «прилетать» в сезон нашествия ночных бабочек. Однако, как раз именно в то время, когда Джордж Буш должен был прибыть, здание парламента подверглось серьезной атаке со стороны богонгов. Как недавно заметил Грэм Добелл, этот прилет бабочки является «ежегодным примером закона о непредвиденных последствиях, даже в условиях максимального планирования. Австралия потратила миллиард долларов на строительство дома с огромным флагштоком.

¹ Курравонги – птицы рода *Strepera* семейства артамовых (Artamidae) или ласточковые сорокопуть. Иногда их также называют флейтовыми воронами, так как курравонги известны своей мелодичной флейтовой песней. Различают три вида курравонгов: черный курравонг (*Strepera fuliginosa*), серый курравонг (*Strepera versicolor*) и пестрохвостый курравонг (*Strepera graculina*). Хотя по внешнему виду курравонги напоминают ворон, однако, они находятся ближе к австралийским сорокопутьам, которые также относятся к артамовым и также отличаются своей флейтовой песней. (прим. переводчика)

Но во всей этой подготовке никто не учитывал миграцию бабочек». Очевидно, что президента нужно было оградить от этого неприятного и потенциально досадного нашествия мелких коричневых злоумышленников. Парламентские подоконники, а также другие архитектурные уголки, выемки и проемы были распылены достаточным количеством инсектицида на основе пиретрума, а на рассвете были привлечены дополнительные садовники для уборки накопившихся за ночь жертв, которых увозили на тачках. Несмотря на повышенное внимание СМИ к Канберре в это время, маловероятно, что это само по себе могло бы считаться значительной новостью, если бы не тот факт, что среди погибших стали также встречаться птицы. Всего, по имеющимся сведениям, четырнадцать курравонгов пали жертвами этой кампании по уничтожению ночных бабочек, предположительно (хотя это так и не было доказано окончательно) в результате употребления в пищу отравленных насекомых. Кроме того, в последующие недели по непонятным причинам сороки и курравонги сторонились Капитольского Холма – скромного возвышения, казавшегося значительным благодаря архитектурному шедевру, в котором располагалась парламентская власть Австралии. Хотя гибель тысяч бабочек могла бы так и остаться без внимания, если бы не мысль о том, что территория нашего блистательного Нового Парламента оказалась завалена огромными тушами черных птиц именно в том момент, когда взоры всего мира были устремлены на федеральную столицу. Все это неожиданно сделало богонгов предметом национальной обеспокоенности.

AGROTIS INFUSA

Стремясь узнать больше об этом нежелательном нарушителе и надеясь найти его менее отвратительным при более близком знакомстве, я подумала, что неплохо было бы узнать, что энтомологи говорят об этих богонгах.

В Австралии *Agrotis infusa*, как известно западной науке, обычно начинает и заканчивает свой жизненный цикл на склонах и равнинах к западу от Большого Водораздельного хребта на севере Нового Южного Уэльса и юге Квинсленда. Каждую весну полчища взрослых бабочек летят на юг в Снежные горы, расположенные на юге Нового Южного Уэльса и севере Виктории, в поисках прохладных темных щелей в альпийских скалах, кавернозных нагромождений гранитных валунов, где они в течение летних месяцев находятся в состоянии

эстивации¹, спасаясь от жары. Там они коллективно уютно устраиваются, пряча головы под крылья друг друга и покрывая скальные стены, как чешуя или черепица.

Фотография 1. Богонгская совка, находящаяся в состоянии эстивации¹

¹ Эстивация – состояние анабиоза в период летней спячки. Эстивация необходима ночным бабочкам, чтобы пережить летнее повышение температуры (прим. переводчика).

Толчком к ежегодной миграции является, по-видимому, падение атмосферного давления, сопровождающееся формированием летних штормов. Моли перемещаются ночью, в некоторых случаях на 1000 километров, питаются по пути нектаром, а днем опускаются на землю в поисках укрытия.

Это всегда было потенциально опасное путешествие, но в XX в. оно стало еще более опасным. В дополнение к многолетнему риску быть сбитым с курса в сторону восточного побережья западными ветрами, рост городов, освещающихся все более ярким электрическим светом, оказался нередко фатальной угрозой для мигрирующих бабочек. Считается, что ночное освещение городов «обманывает мотыльков, заставляя их вести себя так, как будто наступает восход солнца. Их естественной реакцией является опускание на землю, чтобы найти темное место до наступления дневной жары. ...Здания могут быть покрыты толстым слоем мотыльков, отчаянно ищущих темные трещины и расщелины, чтобы укрыться от солнца» (Bogong Moths, 2009; Bogongs Migrating South, 2002). Те, кто оказывались в Сиднее, не говоря уже о Мельбурне, серьезно сбивались с курса, вероятно, в результате штормовой погоды; но Канберра находится прямо на пути их следования, и, в дополнение к внутреннему освещению обширных пригородов, 40000 огней Нового Парламента с прожектором, издавая освещающим флагшток, горит долго и ярко. Неудивительно, что у политиков есть бабочки, с которыми им приходится бороться весной (как будто постоянные вторжения журналистов и лоббистов недостаточно ужасны для них).

Богонги, которым удастся пережить риски во время их южного пребывания, связанные с бурями, хищниками, ядами и странными студентами, орудующими книгами, возвращаются на север в свои места размножения в относительно прохладное время осени. Теперь, когда они все выросли, они должным образом спариваются, после чего беременные самки искусно откладывают свои яйца на стебли разнообразных пищевых растений. Ранее это были аборигенные виды, сегодня это чаще всего сельскохозяйственные культуры, такие как цветная капуста, мангольд, люцерна, лен и разные зерновые культуры. Само собой разумеется, такая практика привела к тому, что богонгов больше всего ненавидят фермеры, чем такие городские чудики, вроде меня. Когда личинки появляются под видом голодных гусениц

¹ Фотография CSIRO. Имеет лицензию Creative Commons Attribution 3.0: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:CSIRO_ScienceImage_2192_A_Huddle_of_Bogong_Moths.jpg

кремового цвета, затем зеленого и, наконец, серого, черного или оранжево-коричневого оттенка, каждый из них делает себе уютную норку в почве у основания своего растения. Там они днем прячутся, коварно появляясь под покровом тьмы, чтобы насытиться. Этот ночной пир – плохая новость для саженцев, стебли которых часто прогрызаются, что приводит к тому, что богонги классифицируются как вредоносные «гусеницы» и в последние 50-100 лет регулярно поливаются огромной массой инсектицидов.

Взрослые гусеницы, которым посчастливилось избежать попадания в организм насекомых или быть отравленными инсектицидами, в конечном итоге опускаются в норы и окукливаются, превращаясь через четыре недели чудесным образом в бабочек. При ближайшем рассмотрении они оказываются не столь уж непривлекательными персонажами.

С размахом крыльев около пяти сантиметров, богонги варьируются по цвету от светло-коричневого до почти черного, и все они имеют на каждом переднем крыле отличительную и действительно эффектную темную полосу, напоминающую стрелу, разорванную двумя более светлыми пятнами, одно из которых имеет форму запятой и одно – круглой формы. «Задние крылья светло-коричневого цвета с более темной окантовкой», – согласно описанию Хербиссона-Эванса и Кроссли, поэтически добавляющих: «В покое моль складывает крылья над телом в виде палатки» (Herbison-Evans & Crossley, 2011).

Фотография 2. «Совка богонг»¹

¹ Оригинал этой работы был любезно предоставлен Деборой Берд Роуз.

КОРРОБОРИ И ПИРОЖНЫЕ

Богонгская совка – одно из многих существ, чей миграционный жизненный цикл со временем способствовал формированию сложной ткани не только человеческой жизни на этом континенте, вплетая виды и места в сложные схемы коллективного развития. Как мы видели, существование этого рыжеватого-коричневого насекомого тесно переплелось с жизнью людей в Австралии в основном антагонистическим образом, как в сельской местности, так и в городе, и особенно в федеральной столице. Однако в ходе своих исследований социально-экологической истории района Канберры я обнаружила, что богонги по-прежнему занимают очень важное место в культуре коренных народов в качестве серьезного полноценного питания.

В своей книге «История и легенды 1927 года, посвященной территории федеральной столицы Содружества Австралии» (1927), Джон Гейл, старожил этой местности, известный журналист и общественный деятель, приводит беседу с «миссис Дж. Макдоналд», муж которой тогда владел пастбищем «Урайарра» на западном берегу реки Маррумбриджи недалеко от Канберры. Заявляя, что название их собственности взято из фразы аборигенов, означающей «бегом на праздник», миссис Макдональд рассказала, как из соседних районов сотни «черных и их жен» со своими «негритятами» собирались весной и летом в соседних горах, чтобы наедаться «богонгами» [sic], которыми «кишели» местные возвышенности. Она связывала название «Урайарра» с большим плоским камнем на их территории, который, как она помнит, нагревали для того, чтобы жарить на нем собранных бабочек, принесенных с гор в дурацких сумках. В хорошие сезоны, заявила она, праздник вокруг этого камня мог продолжаться несколько недель, предоставляя возможность для общения и отдыха... Это был сезон обжорства, намного более сытный, чем период охоты на опоссумов и сбор ямса. От смакования совками черная кожа едоков буквально сияла, а их тела выглядели достаточно упитанными, создавая контраст с их обычным видом» (57-58).

Значение богонга в культуре аборигенов южной части Альпийского региона наиболее подробно исследовала археолог Джозефина Флад, посвятившая этому восхитительному насекомому свою монографию «Охотники на моль» (Flood, 1980). Хотя она нашла множественные упоминания о ежегодном пиршестве этими насекомыми в записях наблюдателей из числа белых, Флад смогла обнаружить лишь одно свидетельство, рассказывающее подробно о

процессе охоты и приготовления этой пищи. Оно было предоставлено энтомологу А. В. Скотту неким Робертом Вайнером, который сообщил о восхождении в 1865 году на гору, известную как «Нумоядонга» в горах Богонга. Его гидом был коренной австралиец, которого он называл Старым Веллингтоном. В статье, опубликованной в журнале Энтомологического общества НЮУ в 1869 году, Скотт написал, что Вайнер обнаружил, что выемки на вершине скалы были:

«буквально покрыты этими насекомыми, плотно прижимающимися друг другу, что представляло собой темную поверхность чешуйчатого узора – каждое насекомое крепко опиралась ногами на скалу, а не на спину других, как в рое пчел. Сок было так много, что на этой вершине можно было легко собрать шесть бушелей богонгов; отходов от бывших обитателей было так много, что вставленная в мусор палка на полу пещеры ушла на глубину до четырех футов» (1980, р. 61).

Старый Веллингтон следующим образом продемонстрировал, как собирали и готовили бабочек:

«на пол расстилают одеяло или кладут лист коры: совок, сбитых палкой, собираю, прежде чем они успеют уползти или улететь, и ссыпают в мешок. Для их приготовления в песчаном месте делается углубление и в нем разводят небольшой костер, пока песок хорошо не нагреется, тогда тщательно сметают все горящие угли, опасаясь обжечь тела насекомых – ведь в таком случае, по их суеверным представлениям, неизбежно возникнет сильный шторм. Затем насекомых высыпают из пакета, недолго помешивают в раскаленной золе, а затем пересыпают на лист коры чтобы охладить. Следующий процесс заключается в тщательном просеивании их в сетке, во время которого головы отваливаются, и, поскольку предварительно крылья и ноги отрывают, получают должным образом приготовленные тельца. В этом состоянии они готовы к употреблению, но иногда их с помощью гладкого камня и полого куска коры измельчают в пасту, а затем из нее делают пирожные» (pp. 61-62).

Начав в ходе своих исследований испытывать некоторое сочувствие к богонгам, я с удовольствием обнаружила у Флад другую

цитату из работы 1895 г. антрополога Ричарда Хелмса, в которой говорилось, что бабочек обычно окуривали дымом тлеющих веток, прежде чем их собирали для приготовления пищи, поэтому в процессе их готовки они не очень страдали. Хелмс, опираясь на свидетельства старых поселенцев, также с восхищением описывают «изящные сети из волокна курраджонга¹», в которые собирались одурманенные бабочки: «У них имелись очень изящные сетки, а изготавливали их [женщины] с большим старанием, и будучи прикрепленными к паре шестов, они легко складывались, когда их нужно было вынуть из расщелин (рр. 66). По словам и Хелмса, и другого путешественника Джорджа Беннета, который в 1832 году поднимался на гору Богонг с группой аборигенов, праздничное пиршество из альпийской совки обычно длилось до трех месяцев в течение всего лета. Беннетт также сообщает, что часть пирожных из совок коптели и хорошо провяливали, что позволяло им оставаться свежими дольше, предположительно для того, чтобы их можно было отнести в долины и полакомиться ими позже (р. 67). Что касается вкуса обжаренной бабочки, то источники Флад сходятся во мнении, что у них приятный сладковатый ореховый вкус. Вайнер, которого Старый Веллингтон, очевидно, угостил довольно вкусной едой из совок, нашел ее настолько вкусной, что «захотел получить еще порцию» (р. 61) – с этой характеристикой совпадало мнение моего друга Даррелла Льюиса, который помогал Флад определить места охоты на бабочек и попробовать их на вкус в ходе этих экспедиций.

Среднее содержание жира в съедобном брюшке богонгов составляет более 61% для самцов и 51% для самок (р. 81), и многие источники Флад отмечали благотворное влияние этого ежегодного пиршества на состояние кожи и телосложение собравшихся «племен» и даже, согласно Э. Дж. Эйру, на их «несчастных полуголодных собак» (р. 70). Несмотря на то, что запасы этих насекомых были неоднородными и менялись из года в год (по размерам и доступности), а иногда и полностью отсутствовали, Флад убедительно доказывает важность праздника богонгов в ежегодных циклах жизнеобеспечения аборигенов высокогорных районов. Хотя

¹ Курраджонг (лат. *Brachychiton populneus*) — невысокое дерево рода брахихитон, подсемейство стеркулиевые (семейство мальвовых). Курраджонги можно встретить в самых разнообразных природных зонах Австралии. Эти растения нашли широкое применение в культуре аборигенов, а ряд методов использования этого дерева или его плодов стала достоянием и культуры белых переселенцев. Семена этого растения аборигены использовали в пищу, а поселенцы их обжаривали и мололи, заваривая вместо кофе. Из древесины местные народы делали щиты, а кора дерева, после обработки, превращалась в тонкие волокна, из которых делали сетки и плели сумки. И главное, в корнях этого дерева скапливалась вода в засушливый период, что давало аборигенам возможность добыть дополнительный источник воды в период засухи (прим. переводчика).

большинство ее этноисторических источников указывают на то, что охота велась на самом деле только мужчинами, понятно, что женщины и дети (и, по-видимому, собаки) также получали свою долю добытого на вершинах.

Тем не менее Флад подчеркивает, что значение охоты на бабочек выходило далеко за рамки просто питания, предоставляя возможность для проведения очень крупных межплеменных встреч, в которых участвовали нгариго, валгалу и нгунавал, проживавших в районе Канберры, а также, возможно, тауа, джинингандж и валбанга, в ходе которых мог проводиться целый ряд социальных, экономических и церемониальных мероприятий. Это включало в себя крупные групповые корроборри¹ на равнинах перед восхождением, обмен товарами, а также, вероятно, мужские обряды посвящения, по крайней мере, на некоторых из вершин, где у каждой группы охотников, по-видимому, была своя площадка (р. 74-76). В то время как информация о том, что совки впали в состояние эстивации, передавалась более отдаленным группам с помощью дымовых сигналов (р. 74), местные жители узнали о них от ворон, которые кружились вокруг участков со спящими бабочками для того, чтобы насладиться первыми плодами сбора (р. 66). Живая Земля, как нас учит биосемиотика, является невероятно сложной коммуникационной системой с динамично развивающимися и самопреобразующимися региональными сетями. Изменения далеко не всегда имеют закрытый характер. Однако очевидно, что британская колонизация Австралии разорвала многие специфические, культурно обусловленные сети межвидового семиозиса, такие как тот, в котором богонги играли центральную роль, с фатальными последствиями для многих, людей и не только их. Согласно источникам, изученным Флад, богонгские пирушки проводились по крайней мере до 1850-х гг., «но к 1878 году они окончательно исчезли» (р. 73).

¹ Корробори – ритуальные практики аборигенов Австралии, сопровождающиеся, как правило, пением и плясками. В общеавстралийском контексте под корробори могут подразумеваться церемонии аборигенов, однако, между церемониями и корробори имеется существенная разница, и, как правило, обозначается самими аборигенами разными терминами. Церемонии имеют более фиксированный характер, в значительной степени структурированы и имеют четкие ритуальные функции. Корробори – это более свободное действие, к которому может присоединиться любой участник, знакомый с «репертуаром», т.е. специальным набором песен и формализованных движений. Танцы и песнопения корробори являются своеобразным инструментарием для обращения аборигенов ко «Времени сновидений» (прим. переводчика).

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ КУХНЯ

Выросшая в Канберре в 1960-х гг., я понятия не имела о том, что название моего родного города происходит от термина «нгамбри», которое, как считается, означало «место встречи», и я совершенно не имела представления о лишении собственности тех, для кого этот район был «питательным ландшафтом» тысячелетия назад (Rose, 1996; Jackson-Nakano, 2001; Gammage, 2002). Никогда бы не подумала, что можно приготовить еду из этих ужасных насекомых. Однако в наши дни школьники Канберры на экскурсии в Национальный парк Намаджи, скорее всего, получают удовольствие от вкуса обжаренного богонга в контексте изучения местной культуры коренных народов. В публичном пространстве федеральной столицы мир Камберри¹ представлен в виде разнообразных скульптур богонга, подобных тем, которые украшают территорию Австралийского института изучения аборигенов и жителей островов Торресова пролива на полуострове Актон, некогда являвшемся крупным местом проведения корробори.

Фотография 3. Скульптура с изображением богонгской совки в культурном центре AITSIS на полуострове Актон. (Фото автора)

¹ Камберри (Kamberrri или Canberra) – топоним и возможно этноним восходящий топониму и этнониму Ngambri (прим. переводчика).

Далее на юг, недалеко от Альбери, в труднодоступном бассейне реки Мюррей-Дарлинг, ежегодно в последнюю субботу ноября, проходит фестиваль «Богонгская бабочка» или, как его сейчас называют, «место сбора» – Нган Гирра, на котором ежегодно выступают «местные исполнители, проводятся конкурсы метания копий и бумерангов, курс выживания в буше и прочие забавы детишек коренных народов» (Vogong Moths, 2009).

Похоже, что богонг становится чем-то вроде туристической достопримечательности и даже иконой деколонизации – своеобразным символом древнего образа жизни и культурного возрождения коренных австралийцев. А как же само насекомое? Запоздалое признание коренных практик землепользования, то есть практики заботы о стране в процессе создания специфической модели человеческой жизни в ее пределах, потенциально открывает путь к деколонизации также отношению поселенцев Австралии со всем, что выходит за рамки только человеческой жизни на этой Земле. Но для того, чтобы пройти этот путь, необходимо, чтобы в образе богонга мы научились чтить не только охотников за ночными бабочками, но и самих мотыльков. И может быть, спрашиваю я себя, лучший способ для этого насекомого, так нелюбимого людьми, проникнуть в сердце человека – это через его желудок?

Очевидно, что это не тот аргумент, который может хорошо сочетаться с вегетарианскими доктринами. «Не ешь ничего с лицом», – такова максима защитников прав животных (Singer, 1996; Dover, 1991, p. 186). И у богонга определенно есть лицо – я могу поручиться за это. Как ни странно, ночью перед тем, как я приступила к написанию этой статьи, я была поражен страным ударом в мои незашторенные кухонные окна в районе хребта Данденонг, к востоку от Мельбурна. Оказалось, что это была дюжины бабочек, которые, очевидно, серьезно заблудились по пути на север в альпийские районы. Они успокоились, когда я выключила свет в соседней комнате, но оставались на подоконнике достаточно долго, чтобы я хорошо их разглядела. Вблизи как бы пушистые брюшки были похожи на многослойное флэпперское платье 1920-х гг., слегка взъерошенное ветром, и выглядели они довольно соблазнительно. Станным образом они напоминали млекопитающих. По мере того, как я продолжала их рассматривать, стали появляться индивидуальные различия в размерах, метках и даже в поведении. Внезапно я почувствовала, что инспекция была взаимной, так как я

обнаружила, что и я нахожусь под прицелом нескольких десятков очень больших глаз.

Это было не так трогательно, как тот раз в деревне в Германии, когда я лицом к лицу встретила с молодой телкой, предназначенной для убоя. В тот раз я прибежала домой в слезах, заявив, что больше никогда не буду есть мясо. Признаюсь, что не сохранила эту решимость, хотя и настаиваю на свободном выгуле и не слишком молодом возрасте животного, и предпочитаю, чтобы мой «обед» был экологически выращен и гуманно убит. Правда, такое поведение «поедателя-плоти» в значительной степени мотивировано собственными животными аппетитами, которые я не хочу подавлять, и которых я в основном не стыжусь (хотя иногда они вызывают у меня некоторое смущение): в конце концов, именно моя беспокойная животность и является тем источником, что питает мое сострадание к другому живому существу, не являющемуся человеком. Более того, я разделяю мнение Вэлы Пламвуд¹ о том, что аргумент о лице не является абсолютно надежной основой для экологической этики питания.

В рамках этических норм, касающихся прав животных/освобождения животных, лицо выступает в качестве символа присутствия сознания или чувства, и именно это принято считать основанием для того, чтобы разделить тот класс существ, которые не могут быть съедены человеком, от тех, которых есть можно. Проблема этой линии аргументации заключается в том, что она неизбежно оставляет большую часть нечеловеческого мира вне поля зрения, на противоположной стороне этической обоснованности. Питер Сингер², например, утверждает, что в дополнение к другим млекопитающим мы должны включать птиц, рыб, рептилий и других позвоночных животных в число тех, которых нам не следует есть, а именно, по причине их способности испытывать боль, хотя и предполагает, что моллюски, такие как устрицы, могут потребляться с чистой совестью (если, конечно, вы не ортодоксальный еврей, но это другая история). В отношении насекомых он «агностик» (р. 11), но у

¹ Val Plumwood (1939 – 2008) – австралийский философ, феминистка, преподавала во многих университетах Австралии и мира. Была сторонницей экософии, автором многочисленных книг, в которых анализировались вопросы экологии и феминизма. Пламвуд выступала против искусственного разделения мира на человека и природу, так характерного для западной философии, полагая, что человек также является частью природы. Эта оппозиция (человек/природа), по ее мнению, проявилась и на уровне гендерных, расовых и колониальных конструкций (прим. переводчика).

² Сингер, Питер (Peter Albert David Singer, род. 1946) – австралийский философ, профессор биоэтики Принстонского университета. Выступает за права животных, сторонник вегетарианства, полагает, что богатые страны должны помогать бедным (прим. переводчика).

него нет никаких сомнений относительно этического исключения растений: «Такая жизнь – полная пустота; я бы нисколько не пожалел о сокращении этой формы существования, лишенной субъектности» (Plumwood, 2002, p. 149). Как отмечает Пламвуд, «методология Зингера организует разнообразную и непрерывную сферу разума и этики в поляризованную, простую форму присутствия/отсутствия – сознание есть или нет... точно так же, как это делал Декарт» (p. 149), тем самым усиливая имплицитно картезианский дуализм разума-природы. Хотя такие аргументы могут быть эффективными для расширения класса существ, считающихся достойными этического рассмотрения, они предполагают весьма проблематичное и исключительно современное разделение существ на тех, которых *потреблять* можно, и тех, которые достойны *уважения*. В анализе Пламвуд, «отказ допустить, чтобы что-либо нравственно значимое онтологизировалось как съедобное или полезное, приводит к глубокому отказу от экологичности существования этих существ, поскольку все живые существа с экологической точки зрения являются пищей для некоторых других существ» (p. 156). Кроме того, в переводе на уровень ландшафта это разделение на использование/уважение приводит к изоляции отдельных территорий под видом «первозданной дикой природы» и одновременному предоставлению возможности беспощадной эксплуатации остальных территорий, будь то в виде добычи полезных ископаемых, захоронения отходов или интенсивного производства продовольствия. В Австралии, где национальные парки по определению являются «местными», а животные и растения, выращиваемые для питания на фермах, являются почти исключительно «экзотическими», это привело в дальнейшем к тревожному последствию: отказу со стороны господствующей культуры поселенцев «от участия в земле», как говорит Фрея Мэтьюс¹, «от стремления «познать» ее в плотском смысле» (p. 41). Хотя очевидно, что некоторые местные растения и животные потреблялись поселенцами Австралии в периоды острой нехватки продовольствия в молодой исправительной колонии в Ботаническом заливе в течение большей части XIX века, практически ничто из этого не стало основой англо-австралийской кухни. К 1900 году, с появлением новых сортов пшеницы, лучше приспособленных к условиям Австралии, открытием и эксплуатацией Большого Артезианского бассейна и постоянно возрастающее использование

¹ Фрея Мэтьюс (Freya Mathews) – австралийский философ-энвайронменталист, просветитель, автор множества книг по проблемам экологии и эпистемологии, политики и т.д. (прим. переводчика).

удобрений, биоцидов и тяжелых машин, в Австралии действительно началось промышленное производство продовольствия, нацеленное на поставку именно тех продовольственных товаров, которые еще недавно ввозились с других континентов на забитых до отказа кораблях Первого флота (Symons, 2007). Как отмечает Мэтьюс, «наши колониальные предки принесли с собой весь свой биологический и, следовательно, диетический запас растений и животных». Они прибыли сюда, образно говоря, в европейском Ноевом ковчеге, и мы для достижения всех практичных нужд остались на этом корабле обеспечения» (р. 41). Австралийцы-поселенцы, которым не только кулинарные предпочтения, но и расовые предрассудки мешали ассимилировать пищевую культуру тех народов, чьи земли они забрали для своих собственных западноевропейских целей, были в значительной степени неспособны охватить местные геокультурные ландшафты в качестве питательной базы, сведя их до одного измерения: либо прибыльного «сырья», либо живописного «пейзажа».

Однако в течение последнего десятилетия или около того эта колониальная и колонизирующая граница между использованием/уважением начала нарушаться различными многообещающими способами. Поскольку национальные парки все чаще находятся под совместным управлением с коренными обитателями Австралии, посетителям предлагается испытать такие места не как «дикую природу», а как «страну», многомерную человеческую родину, где признание родства было всегда объединено с уважительным отношением к потреблению других нечеловеческих существ. В то же время с расширением практики более разумного землепользования в сельском хозяйстве многие австралийские фермеры пытаются найти способы сочетания коммерческих и экологических принципов. Действительно, для некоторых типов ландшафтов, особенно в редколесье или в травянистых лесах, интеграция принципов сохранения и производства через границу уважения к использованию имеет решающее значение для выживания многих видов (Manning, 2009). Действительно, для некоторых типов ландшафтов, особенно в редколесье или в травянистых лесах, интеграция принципов сохранения и производства через призму уважения/использованию имеет решающее значение для выживания многих видов (2009). После успеха телесериала «*Выживание в буше*» (Bush Tucker Man), который впервые вышел в эфир на канале ABC в конце 1980-х гг., некоторые предприимчивые фермеры также начали выращивать местные виды пищи (Bush Tucker on a Commercial Scale,

2009). В наши дни вы можете даже купить мясо кенгуру в некоторых австралийских супермаркетах.

Однако, когда речь идет об этике питания, решающее значение имеет контекст. Потребление мяса кенгуру, семян акации¹ и новозеландского шпината², не говоря уже о мигрирующих бабочках, само по себе недостаточно для деколонизации австралийского рациона питания. Это может просто означать перемещение в сферу потребления продуктов, считавшихся ранее значимыми, презируемыми или просто игнорируемыми. Существуют также сложные социальные вопросы, связанные с «расой» и классом, в отношении того, кто и от чего в действительности получает выгоду от потребления.

Это нашло свое отражение в романе 2003 г. известной канберрской писательницы Мэрион Халлиган, о которой я писал ранее в другом месте (Rigby, 2007). Его название *The Point* относится к вымышленному ресторану на не менее вымышленном мысе Канберрского озера Берли Гриффин, который является центральным локусом и тропологическим центром повествования Халлиган. Известный как лучший ресторан в городе, «The Point» обслуживает в основном влиятельных бизнесменов, политиков, дипломатов, журналистов и других высококвалифицированных профессионалов – закрытый мир привилегированного населения столицы. Это, как отмечает рассказчик, «те, кто владеет и, возможно, те, кем владеют. Снаружи – лишённые всего». Основанный на одном из замечательных рисунков Мэрион Махони Гриффин³, сделанных для ее мужа, ставшего лауреатом Федерального столичного конкурса 1911 г., The

¹ Австралийские аборигены, да и некоторые современные австралийцы употребляли в пищу семена, точнее бобы различных акаций (wattle seeds) и прежде всего *Acacia murrayana* и *Acacia victoriae*, культивирование которых все чаще начинает принимать промышленные масштабы в виду их полезных пищевых свойств (прим. переводчика).

² Шпинат новозеландский – пищевое растение (warrigal greens) – *Tetragonia tetragonoides* (прим. переводчика).

³ Мэрион Махони Гриффин – Marion Mahony Griffin (1871 – 1961) – американский архитектор и дизайнер. Она была одной из немногих первых женщин-архитекторов, получивших признание общественности и специалистов за свои проекты. Вместе со своим мужем Уолтером Бёрли Гриффином (Walter Burley Griffin, 1876 – 1937) они сделали очень много для формирования современного облика Канберры. Мэрион Махони и Уолтер Бёрли принадлежали к архитектурному направлению, получившему условное название «Школа прерий», стилистика архитекторов этой школы вобрала в себя некоторые традиции индейской архитектуры в сочетании с тенденциями строительства, характерными для конца XIX в. Однако это название весьма условно, как и соотносённость архитектурных стилей этой школы с тенденциями строительства жилья у индейцев прерий. В большей степени они находились под влиянием архитектуры индейцев Юго-запада – пуэбло и т.д. Архитектурный стиль индейцев пуэбло, для которого характерны горизонтальные прямые линии. Для многих проектов «Школы прерий» было характерно стремление вписать здание в окружающий ландшафт, создать некоторую гармонию между природным ландшафтом и архитектурой (прим. переводчика).

Point представляет собой восьмиугольное здание, семь из восьми стен которого выполнены полностью из стекла. Ночью, когда ресторан освещается, как фонарь, «обездоленные видят себя и тех, кто внутри; а те, кто внутри – только себя». Для посетителей ресторана, стеклянные стены функционируют как зеркало, так что они «видят только себя» (pp. 1-2). Блюда, приготовленные здесь инновационным шеф-поваром Флорой Маунт, также являются космополитными и, безусловно, постмодернистскими. Они включают такие китчевые блюда 60-х гг., как *устрицы Рокфеллера* и *котлеты по-киевски*, переосмысленные и поданные в провокационной форме, а также еще недавно привычные для рабочего класса блюда, как рубец, теперь выступают в качестве экзотического деликатеса. В меню также присутствуют личинки бабочек-древоточцев¹, типичный пищевой продукт в курсах по выживанию в буше. Однако это удивительное включение не обязательно свидетельствует об уважении традиций и био-региональных особенностей коренных народов: наоборот, оно лишь демонстрирует, что для Флоры и ее космополитной публики постмодернистское произведение кулинарного искусства теперь можно сделать из чего угодно. Однако ближе к концу романа Флора привносит новую политическую повестку дня в свои кулинарные подвиги под видом «добродетельной глобализации» (p. 267), представленной движением «слоу фуд»². Именно в то время, как она размышляет о своем вкладе в предстоящий ужин в стиле «слоу фуд», происходит трагичная развязка романа, вызванная неожиданным вторжением в элегантный космополитный и исключительно человеческий мир ресторана «The Point» презренного существа, нечеловеческого, но «туземца» – несчастной бабочки, влетевшей в эту ночь в ее кухню через окно. Вспоминая праздники коренных жителей Камберри, Флора решила, что пирожные из совки будут идеальным выбором, чтобы добавить местный колорит в ее эклектичное меню, и собирается поймать других мотыльков, которые последовали за первым. Однако ее второсортных знаний недостаточно, и, по иронии судьбы, у нее совсем нет времени. В спешке она совершает роковую ошибку. Камень, который она берет с собой, чтобы поджарить своих

¹ Witchetty grubs – личинки ночной бабочки *Endoxyla leucomochla* из семейства древоточниц (Cossidae). Личинки этой бабочки питаются преимущественно корнями некоторых видов акаций (*Acacia kemprena* и др.) (прим. переводчика).

² Движение «слоу фуд» (досл. англ. «медленная еда») зародилось в Италии в противовес глобализирующейся кухне и тенденциям доминирования «фастфуда», т.е. «быстрой еды», основанной на приготовлении полуфабрикатов. Сторонники «слоу фуда» в Италии делали ставку на национальные традиции итальянской кухни. Оно было направлено на поддержание туристического сегмента экономики Италии, нуждавшегося в развитии всего национального и исключительно местного (прим. переводчика).

совок – это речной камень – пережиток прошлых времен – взрывается при его нагревании, вызывая пожар, который убивает повара и разрушает ресторан, а также наносит увечья бездомной девочке-подростку, спящей снаружи.

Катастрофические последствия проекта Флоры Маунт по производству пирожных из мотыльков, осуществляемого в отсутствие обучения со стороны аборигенов и в интересах преимущественно некоренной городской элиты, могут рассматриваться как символ ложного согласия: хотя у действия и были хорошие намерения, но оно больше напоминало присвоение, чем деколонизацию.

ЕДА ДЛЯ ДРУГИХ

Но это не обязательно должно быть так случиться. Создание кулинарной культуры вкушения изысков коренных народов тех мест, где мы проживаем, с умением поддерживать процветание разных существ, а не только человеческую жизнь, и гармоничном общения с теми, чьи предки так умело поддерживали это равновесие в прошлом, стало бы важным шагом на пути к примирению как между коренными народами и поселенцами Австралии, так и между последними и землей. Учитывая гораздо большее количество людей, которые сейчас населяют южные высокогорья, то, конечно, возможно только ограниченное употребление совок, при том что все будут иметь справедливую долю. И все же я уверена, что если бы мы ценили их как пищу, то гораздо больше беспокоились бы о нынешнем состоянии этих насекомых.

С одной стороны, если бы мы жили или работали на пути их миграций, мы бы убедились, что мы выключили наши огни, как, по сообщениям, научились делать парламентарии Канберры, покидая свои офисы (тем самым также уменьшая счета за электричество, субсидируемые налогоплательщиками, так и выбросы парниковых газов «дома народов»¹ (McCormick, 2006, p. 10). Во-вторых, мы, несомненно, подняли бы тревогу по поводу сокращения численности мигрирующих совок. Хотя причины этого упадка остаются неясными, явными причинами этому могут быть вырубки местной растительности в местах их размножения, а также широкое использование биоцидов на возделываемых землях, которые, вероятно, вытесняют их (Keaney, 2009). Промышленное производство продуктов питания, предпочитаемых поселенцами и, возможно, других прибыльных растений в местах размножения богонгов также,

¹ Имеется в виду здание парламента (прим. переводчика).

по-видимому, представляет даже большую угрозу, чем сами мотыльки. Авторы статьи, опубликованной в 2001 году (Green & et al., 2001) сообщают, что повышенный уровень мышьяка, обнаруженный в местах вымывания воды из тех пещер, где богонги проводили эстивацию в течение лета, указывали на то, что мотыльки переносили яд в Альпы. Кроме того, мышьяк был также обнаружен в фекалиях млекопитающих, которые питались ими, в том числе летучих мышей и горных карликовых опоссумов, уже находящихся под угрозой исчезновения. Источником этого мышьяка вполне могли быть скопления в почве, наследие его прежнего использования в пестицидах, а также в инсектицидах и фунгицидах, которыми фермеры долин обрабатывают свой крупный рогатый скот и овец: история богонгов раскрывает связи во времени и пространстве. Авторы отмечают, что инсектицид на основе мышьяка по-прежнему патентован для сельскохозяйственного использования в Новом Южном Уэльсе в виде гидрометиларсената натрия (MSMA). Согласно McCormick (p. 11), MSMA в основном используется в хлопководстве в качестве послевсходового гербицида: еще одна веская причина, по всей видимости, сокращения масштабов этой водоемкого производства и предпочтения органических закупок (хотя в настоящее время это означает – не закупку австралийского (Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time, 2009). Наконец, если мы хотим в будущем иметь возможность присоединиться к пиршеству и вкушать богонгов наравне с другими живыми существами, как только мы озеленим и детоксицируем их региональные гнездовые угодья, нам нужно будет еще сделать все возможное, чтобы обеспечить адекватные меры по смягчению последствий изменения климата во всем мире: если эти потоки воздуха, идущие вдоль альпийских склонов, станут слишком теплыми, богонгам негде будет найти убежище от жары летом.

Учитывая многочисленные угрозы богонгу, включая мышьяк, который эти упертые твари в настоящее время несут в своих жирных брюшках, кажется, что мы не сможем научиться любить их как регулярную часть нашего собственного рациона, по крайней мере, в настоящее время. К сожалению, богонгу также не хватает потенциально компенсаторной харизмы, которая позволила другим видам, наиболее известным из которых является белый медведь, стать привлекательной картинкой для сохранения и смягчения последствий изменения климата. Тогда, возможно, лучший шанс для богонгов – это быть почитаемыми в качестве пищи не столько для нас самих, сколько для других, как людей, так и других существ, какими они

были в течение долгих веков в прошлом; какими они остаются для некоторых нечеловеческих существ и сегодня; и какими они еще могут стать для наших собственных потомков, в компании с разнообразием других хищников, в настоящее время едва мыслимом, глубоко устойчивом будущем.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ

Переломив тенденцию к сокращению численности, весна 2009 г. вновь стала небывалым годом для богонгов в Канберре. В свете предостерегающего рассказа Халлиган, а также ввиду якобы высокого содержания мышьяка в бабочках, я испытала смешанные чувства, узнав, что один предприимчивый ресторатор в Канберре рыскал по парламентским кабинетам, ловя их сачком для своей кафешки (Yaxley, 2009). Размышляя о возвращении богонгов в огромном, неуправляемом количестве в здание парламента, я вдруг прихожу к мысли, что их следует рассматривать не просто как жертв, соблазненных городскими огнями, но вместо этого их можно приветствовать как неумышленных лоббистов: прятась между страницами «Хансарда»¹, нарушая столь-важные-человеческие² дела и заставляя даже скептиков изменения климата помнить о том, что необходимо выключать свет ночью, не могли бы они действовать, хотя и невольно, как эмиссары из мира, отличного от человеческого, который больше не собирается мириться с тем, что его отодвинули на задний план, будь ради декорации или в качестве ресурсов? Политический репортер ABC, Луиза Яксли, которая пережила пятнадцать «нападений» богонгов на парламент, комментируя миграцию 2009 г., так описывает новую чувственность в Канберре:

«В этом здании во времена миграции бабочек время от времени раздаётся шлепающий звук, когда насекомое на полной скорости врезается вам в спину или даже в лицо. Есть даже созерцательные моменты, когда вы всматриваетесь в крошечное личико, появившееся на вашем столе, очевидно, в попытке инициировать какое-то

¹ Хансард – так называются публикации стенограмм парламентских дебатов британского парламента. Названы так по имени Томаса Хансарда (1776 – 1833), одного из первых издателей, кто начал печатать парламентские документы. Первоначально это не были стенограммы в буквальном смысле этого слова, а лишь цитаты и пересказы парламентских дебатов, собранные из разных источников, и Хансард однажды даже попал в тюрьму за подобную практику. Но позднее это уже стали подробные и точные стенограммы, а на всех изданиях стояло имя Хансарда. Это название распространилось и на все официальные документы, печатаемые в других парламентах Содружества: Канаде, Австралии и Новой Зеландии (прим. переводчика).

² «The human-all-too-human business» – ироничный парафраз книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (англ. Human, All Too Human) (прим. переводчика).

межвидовое общение. ... Таким образом, в течение нескольких недель в доме парламента весной есть живая, хлопающая связь с местной культурой в этом регионе – событием, когда прибытие насекомых было питательным после зимы подбери-меня-событием. ... Это странная привилегия оказаться местом остановки в их ежегодном путешествии в снежные горы, но мне нравится их визит. Я приветствую их общество и оплакиваю всех их павших.

Несмотря на то, что они до сих пор были ненавистны в культуре австралийских поселенцев, мне нравится воображать, что эти темнокожие незваные гости теперь действуют как своего рода авангард, подталкивая нас к давно назревшей инаугурации более инклюзивного парламента, который будет стремиться править в интересах не только человеческих граждан, но и всех существ» (Serres, 1995)

Список литературы

- Athletes given swarm reception.* (2000, September 23). Retrieved from BBC Sport On-line: <http://news.bbc.co.uk/sport2/hi/olympics2000/athletics-track/938449.stm>
- Bogong Moths.* (2009, September 28). Retrieved from Basin Kids. Murray Darling Basin Commission: http://kids.mdbc.gov.au/encyclopedia/wildlife/invertebrates/bogong_moth
- Bogongs Migrating South.* (2002, November 14). Retrieved from Scribbly Gum, ABC Science Online: <http://www.abc.net.au/science/scribblygum/november2002>
- Bush Tucker on a Commercial Scale.* (2009, September 29). Retrieved from Landcare Online. Landcare Australia: http://www.landcareonline.com/case_study.asp?cID=163
- Dobell, G. (2010, October 4). *Aussie Bogongs, Pommie Mice.* Retrieved from The Interpreter: <http://www.lowyinterpreter.org/post/2010/04/12/Aussie-bogongs-Pommy-mice.aspx>
- Dover, B. (1991). *Save the Animals! 101 Easy Things You Can Do.* North Ryde: HarperCollins.
- Flood, J. (1980). *The Moth Hunters: Aboriginal Prehistory of the Australian Alps.* Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.
-

- Gale, J. (1927). *Canberra: History of and Legends Relating to the Federal Capital Territory of the Commonwealth of Australia*. Queanbeyan: A. M. Pallick & Sons.
- Gammage, B. (2002). *Australia under Aboriginal Land Management. Fifteenth Barry Andrews Memorial Lecture*. Canberra: University College, ADFA.
- Green, K., & et al. (2001). Long distance transport of arsenic by migrating Bogong moths from agricultural lowlands to mountain ecosystems. *The Victorian Naturalist*(118), 112–116.
- Halligan, M. (2003). *The Point*. Crows Nest: Allen and Unwin.
- Herbison-Evans, D., & Crossley, S. (2011, May 14). *Agrotis infusa*. Retrieved from <http://lepidoptera.butterflyhouse.com.au/noct/infusa.html>
- Jackson-Nakano, A. (2001). *The Kanberri. A History from the Records of Aboriginal Families in the Canberra-Queanbeyan District and Surrounds 1820-27, and Historical Overview 1928-2001. Weereewaa History Series (Vol. 1)*. Canberra: Aboriginal History.
- January 2009 Heatwave in Victoria. (2009, May 4). Retrieved from Chief Health Officer, Victoria, Australia: <http://www.health.vic.gov.au/chiefhealthofficer/publications/heatwave.htm>
- Keaney, B. (2009). *Bogong Moth*. Retrieved from ACT GreenGuide: http://act.greenguide.net.au/Bogong_Moth
- Linden, J. (2009, January 28). *Heatwave causes havoc at Australian Open*. Retrieved from Reuters: <http://www.reuters.com/article/sportsNews/idUSTRE50R0W720090128>
- Manning, A. D. (2009). Scattered trees are keystone structures—Implications for Conservation. *Biological Conservation*(132), 311-321.
- Mathews, F. (1994). Carnal Legacies. In L. Cosgrove, & et al (Eds.), *Terra Incognita* (pp. 37-46). Carlton: Melbourne UP.
- McCormick, B. (2006). Bogong Moths and Parliament House. In *Research Brief, Parliament of Australia, Department of Parliamentary Services (18 December 2006, No. 6)*. Canberra: Parliamentary Library.
- Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time*. (2009). Retrieved from Greenhome: ACF online: http://www.acfonline.org.au/articles/news.asp?news_id=1921
- Plumwood, V. (2002). *Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason*. London: Routledge.

- Rigby, K. (2007). *Ecopoetics of the Limestone Plains*. In C. A. Cranston, & R. Zeller (Eds.), *The Littoral Zone. Australian Contexts and their Writers* (pp. 153-175). Amstersdam: Rodopi.
- Rose, D. B. (1996). *Nourishing Terrains: Australian Aboriginal Views of Landscape and Wilderness*. Canberra: Australian Heritage Commission.
- Serres, M. (1995). *The Natural Contract*. (E. MacArthur, & W. Paulson, Trans.) Ann Arbor: U of Michigan P.
- Singer, P. (1996). *Animal Liberation*. In R. Garner (Ed.), *Animal Rights: The Changing Debate* (pp. 7-18). Basingstoke: Macmillan.
- Symons, M. (2007). *One Continuous Picnic: A Gastronomic History of Australia*. Carlton: Melbourne UP.
- Yaxley, L. (2009, October 28). *Bogong tour 09 takes over Parliament House*. Retrieved from ABC News: <http://www.abc.net.au/news/stories/2009/10/28/2726474.htm>

References

- Athletes given swarm reception*. (2000, September 23). Retrieved from BBC Sport On-line: <http://news.bbc.co.uk/sport2/hi/olympics2000/athletics-track/938449.stm>
- Bogong Moths*. (2009, September 28). Retrieved from Basin Kids. Murray Darling Basin Commission: http://kids.mdbc.gov.au/encyclopedia/wildlife/invertebrates/bogong_moth
- Bogongs Migrating South*. (2002, November 14). Retrieved from Scribbly Gum, ABC Science Online: <http://www.abc.net.au/science/scribblygum/november2002>
- Bush Tucker on a Commercial Scale*. (2009, September 29). Retrieved from Landcare Online. Landcare Australia: http://www.landcareonline.com/case_study.asp?cID=163
- Dobell, G. (2010, October 4). *Aussie Bogongs, Pommie Mice*. Retrieved from The Interpreter: <http://www.lowyinterpreter.org/post/2010/04/12/Aussie-bogongs-Pommy-mice.aspx>
- Dover, B. (1991). *Save the Animals! 101 Easy Things You Can Do*. North Ryde: HarperCollins.
- Flood, J. (1980). *The Moth Hunters: Aboriginal Prehistory of the Australian Alps*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.

- Gale, J. (1927). *Canberra: History of and Legends Relating to the Federal Capital Territory of the Commonwealth of Australia*. Queanbeyan: A. M. Pallick & Sons.
- Gammage, B. (2002). *Australia under Aboriginal Land Management. Fifteenth Barry Andrews Memorial Lecture*. Canberra: University College, ADFA.
- Green, K., & et al. (2001). Long distance transport of arsenic by migrating Bogong moths from agricultural lowlands to mountain ecosystems. *The Victorian Naturalist*(118), 112–116.
- Halligan, M. (2003). *The Point*. Crows Nest: Allen and Unwin.
- Herbison-Evans, D., & Crossley, S. (2011, May 14). *Agrotis infusa*. Retrieved from <http://lepidoptera.butterflyhouse.com.au/noct/infusa.html>
- Jackson-Nakano, A. (2001). *The Kanberri. A History from the Records of Aboriginal Families in the Canberra-Queanbeyan District and Surrounds 1820-27, and Historical Overview 1928-2001. Weereewaa History Series (Vol. 1)*. Canberra: Aboriginal History.
- January 2009 Heatwave in Victoria. (2009, May 4). Retrieved from Chief Health Officer, Victoria, Australia: <http://www.health.vic.gov.au/chiefhealthofficer/publications/heatwave.htm>
- Keaney, B. (2009). *Bogong Moth*. Retrieved from ACT GreenGuide: http://act.greenguide.net.au/Bogong_Moth
- Linden, J. (2009, January 28). *Heatwave causes havoc at Australian Open*. Retrieved from Reuters: <http://www.reuters.com/article/sportsNews/idUSTRE50R0W720090128>
- Manning, A. D. (2009). Scattered trees are keystone structures—Implications for Conservation. *Biological Conservation*(132), 311-321.
- Mathews, F. (1994). Carnal Legacies. In L. Cosgrove, & et al (Eds.), *Terra Incognita* (pp. 37-46). Carlton: Melbourne UP.
- McCormick, B. (2006). Bogong Moths and Parliament House. In *Research Brief, Parliament of Australia, Department of Parliamentary Services (18 December 2006, No. 6)*. Canberra: Parliamentary Library.
- Organic cotton: Reduce your impact one t-shirt at a time*. (2009). Retrieved from Greenhome: ACF online: http://www.acfonline.org.au/articles/news.asp?news_id=1921
- Plumwood, V. (2002). *Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason*. London: Routledge.

- Rigby, K. (2007). *Ecopoetics of the Limestone Plains*. In C. A. Cranston, & R. Zeller (Eds.), *The Littoral Zone. Australian Contexts and their Writers* (pp. 153-175). Amstersdam: Rodopi.
- Rose, D. B. (1996). *Nourishing Terrains: Australian Aboriginal Views of Landscape and Wilderness*. Canberra: Australian Heritage Commission.
- Serres, M. (1995). *The Natural Contract*. (E. MacArthur, & W. Paulson, Trans.) Ann Arbor: U of Michigan P.
- Singer, P. (1996). *Animal Liberation*. In R. Garner (Ed.), *Animal Rights: The Changing Debate* (pp. 7-18). Basingstoke: Macmillan.
- Symons, M. (2007). *One Continuous Picnic: A Gastronomic History of Australia*. Carlton: Melbourne UP.
- Yaxley, L. (2009, October 28). *Bogong tour 09 takes over Parliament House*. Retrieved from ABC News: <http://www.abc.net.au/news/stories/2009/10/28/2726474.htm>